

Тот, в ком подлинна театральная традиция

Беседовал Ян Смирницкий

Про Бориса Голубовского тома можно писать — настолько человек этот интересен. Что там — перечисление регалий: народный артист РСФСР, профессор ГИТИСа, художественный руководитель Московского театра имени Гоголя (с 1965 по 1987 год). Интеллигент высокой пробы, имя его лишь подтверждает выражение «педагог — не тот, который учит, а тот, на котором учатся».

Столько он видел в своей жизни! В Москве проходила Третья всероссийская режиссерская конференция, открывал ее председатель СТД Александр Калягин. Говорит вступительное слово, обычное в таких случаях. Борис Гаврилович сидит себе скромненько в кресле и шепотом беседует с театральным критиком. Вдруг его дергают: «Боря, вставай!» Встал. Аплодисменты. Потом сел и спрашивает у окружающих: «А чего это я вставал-то?» Оказывается, Калягин между прочим произнес: «Друзья, среди нас, участников Третьей конференции, присутствует единственный человек, кто был еще на Первой...» Той самой, 1939 года, после которой арестовали Всеволода Мейерхольда. Недавно Борис Гаврилович издал книгу «Большие и маленькие театры», где подробно осветил события той конференции и мейерхольдовского выступления на ней. Много хранит память. А память у Бориса Гавриловича до сих пор превосходная.

Его учителя

— Каверин, Горчаков, Сахновский, Берсенева, Охлопков — все они были фанатиками ГИТИСа, фанатиками воспитания. Они понимали, что воспитывают прежде всего людей, человек! И перед ними стыдно не быть культурным и воспитанным человеком. Наиболее близким для меня был замечательный режиссер Федор Николаевич Каверин. Он ра-

ботал в студии Малого театра, спектакли которой, заметьте, считались одними из самых модных в 20–30-е годы. Но в 1957 году его убили.

— Как убили?

— В милиции. Как-то поехал он на дачу под октябрьские праздники — с женой и с одним другом-актером. Отдохнуть на природе. Возвращаются. Едут в поезде. А тут контролер идет. У Каверина была маленькая собачонка — дворняга. Вот контролер и спрашивает: «А почему у вас собака без намордника?» Федор Николаевич отвечает: «Простите, но намордник на такую собаку — это просто смешно!» И тут еще его жена вступила в дискуссию. В общем, кончилось тем, что по выходе из поезда их пригласили в отделение милиции. Жена и там бросилась к начальнику отделения с криком: «Ваши холоуи нас задержали!» Начальник прошипел: «Молчи, б... пьяная!» Каверина к мужу: «Федя! Твою жену оскорбляют!» Федя подошел, начал что-то объяснять: «Да как вы смеете, я — профессор, заслуженный деятель...» Тогда начальник отделения взял его за шиворот и бросил на пол.

— Умер?

— Сразу же. На месте. Головой ударился. Вызвали врача. Пришел молодой человек, весь такой принципиальный... Вот он и «помог» составить протокол, что «Каверин умер от состояния крайнего опьянения». Так и похоронили. Но весточки о его смерти полетели в ГИТИС, в консерваторию, в

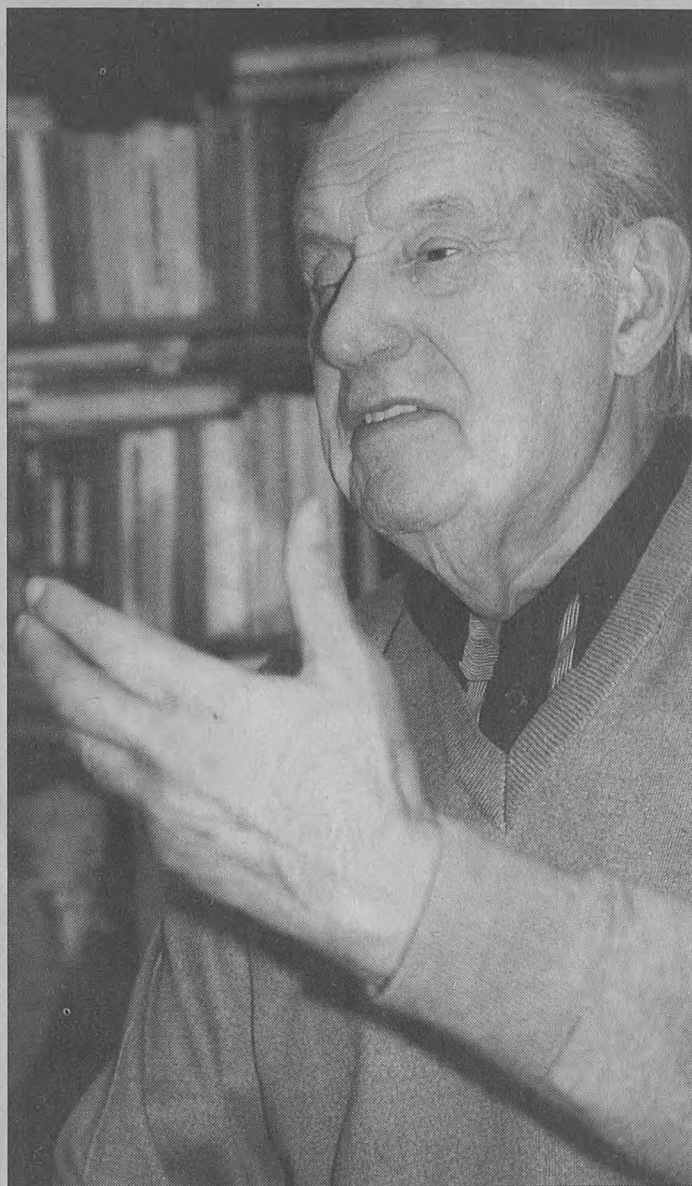

Фото Сергея Серзетникова

Театр имени Маяковского, где он тогда работал. Каверина любили, уважали очень. Собирали подписи всех народных артистов, руководителей театров. И с этим письмом Леонид Утесов (друг Каверина) пошел к генеральному прокурору Руденко. На следующий же день Руденко назначил экспертизу. Сделали экспертизу и обнаружили, что не то что пьяный, капли алкоголя в его крови не было! Был суд. Милици-

онера этого разжаловали, но уже через полгода он снова стал начальником отделения. А что вы хотите? 1957 год.

— Да хоть 2004-й!

— Да... Многочисленному научил меня и Алексей Дикий, великий актер и режиссер. Но человек он был трудный. Долго не удерживался нигде. Ссорился. В театре перед ним преклонялись, но никто не любил. Он сидел три года — с 1937-го по 1940-й. Потом выпустили. Он

немедленно начал добирать то, что потерял. Помню, стоим мы с ним как-то в ЦДРИ, подходит артист из МХАТа, весь в медалях. Говорит: «Леша, да зачем ты снимался в «Адмирале Нахимове»? Это же казенщина!» Тогда Дикий грозно произнес: «И мне хочется!» В конце концов он вообще выбросил такой фортель. Все играли Сталина (и он в том числе) с акцентом. А тут один крупный театр решил поставить спектакль об освобождении Крыма. Как полагается, роль Сталина — Дикому. А он берет и играет без акцента. Репертком ни в какую не допускает спектакля к выходу. А Дикий уперся на своем: «Нет, я только так буду играть!» Что делать? Решили рискнуть. Начальником реперткома в ту пору был умный, талантливый, но очень сволочный мужик Евгений Данилович Сурков. Сам про это рассказывал. Говорит, приготовил я уже котомку: мол, сейчас же заберут. Сталин приходит на премьеру. Посмотрел. В театре — траур: никто не знает, что будет дальше. Через день — звонок: «Товарищ Сталин просил передать благодарность актеру Дикому, режиссеру Юткевичу и коллективу театра за то, что они поняли, что товарищ Сталин — представитель всего русского народа». Вот так. И еще одна премия. Еще один орден.

Его друзья

Более всех Борис Гаврилович вспоминает об Андрее Гончарове — не так давно ушедшем из жизни руководителе Театра имени Маяковского. С ним вместе поступали в ГИТИС в 1936 году, потом оба возглавляли бригады фронтовых театров.

— Как приезжали с фронта в Москву, обязательно отыскивали друг друга. Никогда не забуду, когда у нас с Андреем был на двоих литр водки и

полкилограмма засахаренных орешков. Ну хоть бы кусочек хлеба! Нет... Но ничего. Хорошо так уговорили этот литр под орехи, почти всю ночь сидели.

Дело его жизни

— Борис Гаврилович, времена изменились, но ГИТИС все тот же, хотя бы по сути своей?

— Да. Он учит добру. Я так считаю. И это останется неизменным. Хотя есть какие-то менее удачные его проявления. Например, эстрадный факультет... Там получили корочки Киркоров, Пугачева, Петросян, короче, вся верхушка эстрады. А они за все время, может, один-два раза и приходили-то в институт! Но ГИТИСу это было выгодно. Могли их послать на какие-то концерты, где они выступали именно как «выпускники». Все-таки имя! У меня нет пренебрежения к эстраднему факультету, он имеет право на существование, но главное, чтобы там сегодня учились молодые ребята, а не зрелые эстрадники.

— А к театральному чиновничеству у вас нет претензий?

— Калягина я знаю совсем мало. Мы с ним творчески никак не пересекались. Но Швыдкого знаю очень хорошо. Он всегда был человеком весьма активным. И это его подвиг, что он организовал работу целого телевизионного канала «Культура», да еще и без рекламы! Кстати, я тут недавно предложил Швыдкому сделать в ГИТИСе факультет «министров культуры». И, поверьте, в моих словах нет какого-то холуйства. Я уже не мальчик. 85 лет. Лавры мне не нужны. На улице меня все равно никто узнавать не будет, и на могилку не придут манифестации. Есть большое дело, которое надо делать. Воспитывать все лучшее, что есть в людях. И несмотря ни на что.